

Владимир Кожедеев

«Литейный мост»

Книга 2. Чёрный корпус

Владимир Кожедеев
«Литейный мост».
Книга 2. Чёрный корпус.

«Автор»

2026

Кожедеев В.

«Литейный мост». Книга 2. Чёрный корпус. / В. Кожедеев —
«Автор», 2026

Осень 1914 года. Россия вступила в Великую войну. Петроград — город, переименованный наспех, словно само имя могло защитить его от немецких штыков — живёт в тревоге, сводках с фронта и растущем недоверии. В этот тяжёлый час на Царскосельском вокзале убит полковник Гучков, брат военного министра. При нём находят поддельные документы о поставках гнилого мяса в армию. Газеты трубят о «немецких шпионах», полиция топчется на месте, а вдова убитого обращается к единственному, кому доверяет, — частному детективу Арсению Ветрову. Ветров, переживший падения и взлёты, потерю друзей и предательство близких, снова берётся за дело. Но чем глубже он копает, тем страшнее открывается правда: за убийством стоит не просто шайка спекулянтов, а могущественный «Чёрный корпус» — сеть германских агентов, внедрённых в самые высокие круги империи. Их цель — дестабилизировать тыл, отравить продовольственные запасы и подготовить почву для военного переворота. В расследовании Ветрову помогают старые друзья.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	10
Глава 3.	16
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Кожедеев

«Литейный мост». Книга 2. Чёрный корпус.

Глава 1.

Осень 1913 года в Петербурге выдалась такой, что даже видавшие виды извозчики крестились и плевали через левое плечо. Дожди начались в конце августа и не прекращались сорок дней — не ливни, а мерзкая, морозящая взвесь, которая проникала под воротники, за шиворот, в самые души. Нева вздулась, пожелтела, запахла болотом, и в мутной её воде, говорили, видели утопленников — то ли жертвы несчастных случаев, то ли работы секретной полиции, которая в туманную погоду предпочитала не возиться с бумагами.

Арсений Платонович Ветров сидел в своём кабинете на Знаменской, придвинув кресло к печке, и перечитывал вчерашний выпуск «Петербургского листка». Джек лежал у его ног, положив морду на лапы, и изредка вздыхал с той глубокой, вселенской грустью, на которую способны только старые псы и философы.

Газета была полна обычной для этого времени ложью: министры врали о процветании, депутаты Думы врали о патриотизме, и только в маленькой заметке на третьей странице, под рубрикой «Происшествия», промелькнуло что-то, отчего у Арсения похолодело внутри.

«Сегодня ночью на набережной Фонтанки, у дома № 14, обнаружен труп неизвестного мужчины с признаками насильственной смерти. Прибывшая полиция констатировала: смерть наступила в результате глубокой раны шеи. Личность погибшего устанавливается. В руке убитого найден клочок бумаги с карандашной надписью: «Ветров. Всё кончено». Следствие ведёт прокурор особых поручений П.П. Забелин».

Арсений перечитал заметку трижды. Потом медленно отложил газету, подошёл к окну и долго смотрел на серое, плачущее небо.

Джек, почувствовав настроение хозяина, поднял голову и тихо, почти неслышно заскулил.

— Знаю, дружище, — сказал Арсений. — Это не случайность. Это приглашение. Он не ошибся. Через час в дверь постучали.

Гость был невысок, коренаст, с лицом, напоминающим старый, потрескавшийся кирпич. На нём был мундир надворного советника — скромный, но с иголки, и тяжёлый портфель из тиснёной кожи, который он держал обеими руками, будто боялся уронить.

— Арсений Платонович Ветров? — спросил он с лёгким заиканием, будто каждое слово давалось ему с трудом.

— Он самый. Проходите. Джек, место.

Пёс нехотя отодвинулся, давая гостю пройти к креслу. Но глаз не спускал — так смотрят на чужаков старые телохранители, которые знают, что опасность приходит в самой безобидной упаковке.

— Позвольте представиться: коллежский асессор Нестеров, Иван Кузьмич. Я служу в канцелярии генерал-губернатора. На частном положении. — Он помялся, покрутил в пальцах шляпу. — Дело деликатное. Очень деликатное. Можно сказать, щекотливое.

— Все мои дела щекотливые, — усмехнулся Арсений. — Говорите прямо, Иван Кузьмич. Я не кусаюсь.

— Собака ваша — кусается?

— Только если я свистну.

Нестеров бросил быстрый взгляд на Джека, сглотнул и выпалил:

— У меня пропала шкатулка. Не простая, а с письмами. Очень важными письмами. Их содержание, если оно станет достоянием гласности, может вызвать скандал, который... — он замялся, подбирая слова, — который может затронуть особ императорской фамилии.

— Не люблю таких дел, — сказал Арсений, откидываясь на спинку стула. — Те, что пахнут дворцом, обычно кончаются ссылкой или пулей. Зачем вам частный сыщик? Идите в охранку.

— В охранке сидят люди убитого, — тихо сказал Нестеров. — Того самого, о котором вы только что читали в газете. Вы знаете, кто он был?

— Откуда?

— А вот оттуда. — Нестеров вынул из портфеля фотографию. Мужчина лет тридцати пяти, с усами, в мундире с золотыми петлицами. Лицо — обычное, чиновничье, каких тысячи. Но глаза — странные, белые, почти прозрачные, как у слепых.

— Господин Кандидов, — сказал Нестеров. — Сенатский чиновник, столоначальник особой канцелярии. Вчера ему перерезали горло. А в руке нашли записку с вашей фамилией. Кто-то хочет, чтобы вы влезли в это дело. Или, напротив, чтобы вас арестовали до того, как вы что-то узнаете.

Арсений молчал, разглядывая фотографию. Что-то в этом мёртвом лице было знакомое — не лицо, а выражение, или поза, или то, как лежали пальцы на коленях. Он не мог вспомнить, но где-то в глубине памяти заскреблась тревога.

— Кандидов — это псевдоним, — добавил Нестеров. — Настоящая фамилия его — Филиппов. Он был внебрачным сыном того самого унтер-офицера, которого нашли убитым у Лиговского канала в прошлом году.

Арсений резко поднял голову.

— Вы знаете про то дело?

— Я много чего знаю, Арсений Платонович. — Нестеров впервые улыбнулся — криво, грустно. — Я был другом вашего отца. Платона Сергеевича. В саратовской ссылке. Вы меня не помните, я заходил к вам однажды, когда вам было лет пять. Вы играли с деревянной лошадкой.

В кабинете повисла тишина. Джек перестал вздыхать и замер, глядя на хозяина.

— Мой отец не был в ссылке, — медленно сказал Арсений. — Он умер в Саратове от цирроза печени.

— Он умер от цирроза, это верно. Но перед этим он отбывал три года ссылки в Вятской губернии — за укрывательство народовольца. Вы об этом не знали? Протокол, который вы сожгли в печке по требованию Огульцова, был копией. Оригинал лежит в архиве министерства юстиции. Ваш отец был героем, Ветров. Просто не умел этим гордиться.

Арсений встал, подошёл к окну, отвернулся. Спина его была прямая, напряжённая, как струна. Когда он заговорил, голос звучал глухо, будто из подземелья:

— Зачем вы мне это говорите?

— Затем, что у нас общий враг. Тот, кто убил Кандидова-Филиппова, убьёт и меня, и вас, и ваших друзей. Шкатулка с письмами — это ключ. В них — имена всех, кто замешан в заговоре прошлого года. Всех, кто остался на свободе.

— Вы знаете, кто убийца?

— Нет. Но знаю, где искать.

Он вынул из портфеля сложенный лист бумаги — старый, в жёлтых пятнах, с восковыми печатями.

— Это план подземных ходов под Зимним дворцом. Тот, кто их знает, может проникнуть куда угодно. А один из ходов ведёт в комнату, где спит наследник. Наследник, Ветров. Вы понимаете?

Арсений повернулся. Лицо его было серым, как петербургское небо.

— Понимаю. — Он сел за стол, открыл ящик, достал браунинг. Проверил обойму. — Когда мы начинаем?

— Завтра. Сейчас я должен идти. — Нестеров встал, но на пороге обернулся. — Берегитесь, Арсений Платонович. Они уже знают, что вы взялись за это дело. И они не остановятся ни перед чем.

Дверь закрылась. Арсений остался один.

Джек подошёл, положил голову ему на колени. Пёс молчал, но в его глазах был вопрос: «Ну что, хозяин? Опять в бой?»

— Опять, — сказал Арсений, поглаживая шерсть. — И, кажется, на этот раз ставка выше, чем когда-либо.

Он посмотрел на фотографию убитого, на план подземных ходов, на газетную заметку. Потом перевёл взгляд на портрет отца, висевший над столом — выцветший, с оборванным углом. Платон Сергеевич смотрел с него усталыми, честными глазами.

— Ты герой, — тихо сказал Арсений. — А я? Посмотрим.

В тот же вечер, когда город укутался в промозглую тьму и только редкие фонари боролись с ней, проигрывая вчистую, в чайной «У Золотого льва» собралась вся команда.

Глеб Есенич — теперь уже лекарь, в новом форменном сюртуке, с папиросой в зубах — сидел на краю стула и нервно постукивал пальцами по столу. Рядом — Лёлька, его жена, с округлившимся животом (шестой месяц, мальчик, решили назвать Иваном в честь деда). Она была бледна, но спокойна — та спокойствием женщины, которая уже прошла через огонь и воду и знает, что медные трубы — самые страшные.

Колька Стеклов, владелец кузницы «Стеклов и сыновья» (сыновей, как и год назад, не было, но надежда умирала последней), занял полстола. Он огладил бороду, засучил рукава и заявил:

— Короче, Ветров, говори, кого бить.

— Погоди, — сказала Фёкла, разливая чай. — Сначала выслушаем.

Хозяйка чайной заметно постарела за последний год — седина в волосах, морщины вокруг глаз — но взгляд оставался прежним: цепким, острым, ничего не пропускающим. Панкратий, который теперь официально числился сторожем и подсобным рабочим, сидел в углу и вертел в руках губную гармошку, но не играл — слушал.

Модест Ильич, старый жандарм, приковывал с палкой — ноги уже не те, но ум по-прежнему острый, как бритва. Он положил на стол папку с бумагами, крикнул и сказал:

— У меня есть кое-что на Кандидова. Вернее, на его отца. Того самого унтер-офицера Филиппова. Он служил в Семёновском полку, в личной охране императора. В 1909 году ездил в Германию с царской семьёй. Что-то там увидел или услышал. И через три дня после возвращения — застрелился. Перед смертью отправил сыну письмо. Вскрыть не успел — письмо перехватила полиция. Но его дочь, Аглая Серебрякова, та самая, которую убили в прошлом году, что-то знала. Возможно, она получила копию. Возможно, эта копия и есть содержимое пропавшей шкатулки.

— А кто украл шкатулку? — спросил Глеб.

— Тот, кто убил Кандидова, — ответил Модест Ильич. — Или тот, кто нанял убийцу.

— Логика, — кивнул Арсений. — Но нам нужны не логика — имена. Кто заказывал убийство чиновника? Кто охотится за письмами? Кто угрожает наследнику?

— Шульц, — вдруг сказала Лёлька. Все обернулись. Она покраснела — от смущения или от напряжения. — Простите, я влезла. Но я перехватила сегодня телеграмму. Случайно. Она была адресована некоему «Э.П.Ш.» и подписана «К.» — тот же шифр, что и в прошлом году. В телеграмме было: «Шкатулка у нас. Следующая цель — Ветров. Ждите приказа».

— Э.П.Ш., — повторил Арсений. — Эраст Петрович Шульц?

— Начальник канцелярии Министерства двора? — удивился Модест Ильич. — Это же ближайшее окружение императора! Если он замешан — у нас проблемы.

— У нас проблемы были всегда, — сказал Арсений. — Теперь они просто обрели имя.

Ночь они провели в чайной — пили чай, строили планы, спорили до хрипоты. Лёлька требовала, чтобы Арсений ушёл в подполье «пока не родится ребёнок». Глеб кричал, что не бросит друга. Колька молчал, но кулаки его сжимались и разжимались с ритмичностью паровой машины. Фёкла утирала слёзы передником — от страха, от жалости, от усталости.

Джек спал у ног Арсения и видел десятый сон о гончих зайцах.

В третьем часу ночи в дверь постучали.

Стук был особый — три коротких, два длинных, пауза, один короткий. Так стучали только свои. Арсений открыл.

На пороге стоял человек в мокром плаще, с лицом, скрытым поднятым воротником. Он откинул капюшон — и Арсений увидел штабс-капитана Челищева. Того самого, который год назад был его врагом. Который подставил его с ножом. Который потом перешёл на его сторону и помог взять барона.

— Ветров, — сказал Челищев хрипло, с одышкой — видно, долго бежал. — Они знают. Шульц знает, что Нестеров был у вас. Через час здесь будет полиция. С ордером на обыск и арест.

— Откуда ты узнал? — спросил Арсений, впуская его.

— Я у них в штабе. Двойной агент, как и прежде. Только теперь — на вашей стороне по-настоящему. — Он сбросил плащ, и все увидели кровь на его рубашке — свежую, ещё не застывшую.

— Тебя ранили?

— Не меня. Нестерова. По дороге сюда его перехватили. Я подоспел, но поздно. Они увели его. Куда — не знаю. Но ищут шкатулку. Думают, что он передал её вам.

— Не передал, — сказал Арсений. — Только план подземных ходов.

— Это хуже, — покачал головой Челищев. — Шкатулка — это политика. А план — это царубийство. За такие вещи расстреливают без суда. И не только вас — всех, кто связан с вами.

Фёкла перекрестилась. Лёлька побледнела и прижала руки к животу. Глеб вскочил, заслоня жену.

— Что делать? — спросил Колька.

— Уходить, — сказал Арсений. — Всем. Сейчас. Джек, место.

Пёс вскочил, готовый к бою. Но никто не сдвинулся с места. Все смотрели на Ветрова, ожидая приказа.

— Фёкла, Панкратий, вы остаётесь. Вас не тронут — вы не в списках. Модест Ильич, идите к Гучкову, он должен знать. Глеб, Колька, Лёлька — за мной. Челищев, вы — с нами.

— А если полиция придёт раньше? — спросила Фёкла.

— Тогда скажете, что я уехал в Москву по делам. — Арсений накинул пальто, сунул браунинг в карман. — И запритесь изнутри. Никого не выпускайте.

Он вышел на крыльцо. Дождь хлестал в лицо, ветер рвал шляпу. Джек прыгнул в экипаж, за ним — остальные.

— Куда? — спросил Колька.

— К мосту, — ответил Арсений. — К Литейному. Там, где всё началось. Там, где может быть, всё и кончится.

Лошади рванули. В темноте засвистели полицейские свистки — но поезд ушёл. Погоня только начиналась.

Они мчались по мокрым мостовым, и в голове у Арсения стучали слова Нестерова: «Ваш отец был героем». Теперь он знал правду. Теперь он должен был её доказать. Или умереть, пытаться.

Джек смотрел на огни, убегаящие назад. Пёс не боялся — псы вообще не умеют бояться за себя. Они боятся только за тех, кого любят. А он любил хозяина.

— Держись, — сказал Арсений, хотя никто к нему не обращался.

Впереди, в тумане, уже проступали очертания Литейного моста — чёрные, зловещие, как в ту самую ночь, два года назад. Тогда он был один. Теперь — с семьёй.

Семья — это слабость. И это же — сила.

Арсений Ветров знал это лучше, чем кто-либо.

Глава 2

Утро 24 октября 1913 года Петербург встретил заголовками, от которых у сдержанных обывателей округлялись глаза, а у нервных — сдавали сердца. Газеты, словно стоворившись, вышли с шапками, которые даже месяц назад показались бы нелепой выдумкой:

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОК»: «ГЕРОЙ ИЛИ УБИЙЦА? Частный детектив Ветров подозревается в убийстве сенатского чиновника».

«НОВОЕ ВРЕМЯ»: «ТАЙНЫ СЫСКНОГО БЮРО: Как бывший присяжный поверенный стал главным подозреваемым».

«ГАЗЕТА-КОПЕЙКА»: «БЫВШИЙ ГЕРОЙ — НАСТОЯЩИЙ ПРЕДАТЕЛЬ? Сенсационные подробности дела Кандидова».

«БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ»: «ВЕТРОВ — НОВЫЙ ЗАГОВОРЩИК? Полиция нашла улики».

Арсений читал эти строки в маленькой комнате, которую снял на ночлег у знакомой Фёклы — бывшей актрисы, снимавшей угол в доходном доме на Песках. Он ушёл из чайной «У Золотого льва» за час до обыска, и правильно сделал: Панкратий потом рассказывал, что полицейские вломились с криками, перевернули всё вверх дном, выломали дверь в подвал, перерыли картошку и ушли, унося с собой старые счета и несколько писем, которые Фёкла хранила от покойного мужа.

— Шаром покати, — шептал Панкратий в телефонную трубку, когда Арсений позвонил из будки на углу. — Обыскали всё, даже вашу собачью подстилку. Джек чуть не вцепился одному в штанину, но Фёкла его удержала. Пса не тронули — побоялись, что вы заявитесь.

— Где сейчас Джек? — спросил Арсений.

— У нас, в чайной. Фёкла кормит его пирогами и плачет. Глеб заходил, сказал, чтобы вы не появлялись. Он сам придёт, когда стемнеет.

— Передайте ему: встречаемся на старом месте. В час ночи. У Литейного.

— Понял, — вздохнул Панкратий и повесил трубку.

Арсений вернулся в комнату, запер дверь на задвижку и сел к окну. За мутным стеклом текла серая, однообразная жизнь: женщины шли за керосином, дети гоняли тряпичный мяч, дворник скрёб мостовую. Никто из них не знал, что в двух шагах отсюда, в промозглой клетушке, прячется человек, которого вся столица называет убийцей.

Он вынул из кармана план подземных ходов, разложил на столе. Старая, пожелтевшая бумага с восковыми печатями — последнее, что осталось от Нестерова. Где сейчас этот странный чиновник, друг его покойного отца? Жив ли? Челищев сказал: «Его увели». Это могло означать всё что угодно — от тайного ареста до бессудной расправы.

«Нестеров говорил, что у нас общий враг, — подумал Арсений. — И что враг этот остался на свободе после дела барона. Шульц. Эраст Петрович Шульц. Начальник канцелярии Министерства двора. Тот, кто должен был охранять покой императора, сам готовит заговор».

Он закрыл глаза. Перед внутренним взором поплыли лица — барон фон Берг в клетке для подсудимых, Огульцов с простреленным виском, Веселовский под конвоем, Круглов со сломанной рукой. Все они были пешками. Шульц — одна из главных фигур. Но кто за ним?

«Челищев обещал узнать, — подумал Арсений. — Вопрос только — узнает ли до того, как нас всех перебьют».

В час ночи Литейный мост был пуст. Дождь наконец прекратился, но ветер с залива гнал по небу рваные, низкие облака, и луна то появлялась, то исчезала, выхватывая из темноты то клочок пены на воде, то бледный лик гранитного сфинкса у спуска.

Арсений пришёл первым. Он стоял у того самого парапета, где два года назад городской пытался его предупредить перед выстрелом. Тогда его спас Глеб, сбив снайпера тростью.

Теперь Глеб шёл сюда как друг, как сообщник и как человек, который рисковал не только своей свободой, но и будущим своей семьи.

Ветров услышал шаги за минуту до появления. Кто-то шёл со стороны Выборгской — не один, а двое. Он положил руку на браунинг, но тут же убрал: из темноты выступили Глеб и Колька. Кузнец нёс на плече какой-то свёрток, поблескивающий сталью.

— Здравствуй, Арсений, — сказал Глеб, подходя. Он был бледен, под глазами залегли тени — бессонница или ссора с женой. — Читал газеты?

— А ты как думаешь?

— Плохо, — признал Глеб. — Очень плохо. Лёлька в истерике. Она требует, чтобы ты сдался полиции и всё объяснил.

— Чтобы я сдался? Она что, не понимает, что меня убьют по дороге в участок? Или «случайно» застрелят при попытке к бегству?

— Понимает. Но она боится за ребёнка, Арсений. Ей сейчас не до логики. Она хочет, чтобы всё кончилось.

— Всё кончится, — сказал Арсений. — Когда мы возьмём Шульца. А до тех пор — нет. Колька бросил свёрток на парапет, развернул. Внутри оказались стальные пластины — три пары, каждая толщиной в палец, с хитрыми замками.

— Вот, — сказал кузнец. — Наручники. По вашему заказу. Секретные. Открываются только этим ключом. — Он показал маленький, изогнутый кусок железа, похожий на вязальную спицу. — Три дня ковал. Материал — хромоникелевая сталь. Не сломать, не перепилить, не отмычкой. Для особо опасных.

— Для Шульца? — спросил Глеб.

— Для Шульца, — кивнул Колька. — И для его людей. Если доживём.

Они замолчали. Ветер завывал в опорах моста, и вода в Неве тяжело вздыхала, будто уставшая от всего этого мира.

— Где будешь ночевать сегодня? — спросил Глеб.

— У Фёклы. Там надёжно. — Арсений посмотрел на друга. — Как Лёлька?

— Плачет. Ругается. Требует, чтобы я прекратил с тобой якшаться. Я сказал, что не могу. Она назвала меня предателем. Я ушёл.

— Ты правильно сделал, — сказал Арсений. — Но и её пойми. Она ждёт ребёнка. Для женщины это важнее всех заговоров мира.

— Я знаю. — Глеб отвернулся, закурил. Огонёк папиросы дрожал на ветру, как живой. — Знаешь, что она мне сказала перед уходом? «Ты ставишь Ветрова выше собственного сына». Сына, Арсений! Мы ещё не знаем, кто родится — мальчик или девочка, а она уже назвала его сыном и требует, чтобы я выбирал между тобой и им.

— И что ты выберешь?

Глеб повернулся. Глаза его блеснули — от ветра, от бессонницы, от слёз, которых он не показывал.

— Ни то, ни другое, — сказал он твёрдо. — Я выберу правду. Потому что если мы сейчас отступим, то наши дети вырастут в стране, где правят такие, как Шулец. А я не хочу, чтобы мой сын жил в такой России.

Колька молча хлопнул Глеба по плечу. Кузнец не умел говорить красиво, но умел быть рядом — это было важнее любых слов.

— Ладно, — сказал Арсений. — Пора. Завтра у нас будет тяжёлый день.

На следующий день, 25 октября, события закулисье с новой силой.

Утром газеты вышли с продолжением. Кто-то — видимо, из полиции — слил информацию о том, что в квартире Ветрова найден нож со следами крови, совпадающей с группой крови убитого Кандидова.

«РУССКОЕ СЛОВО»: «НОВЫЕ УЛИКИ ПРОТИВ ВЕТРОВА. Прокуратура заявляет: дело раскрыто».

«КОПЕЙКА»: «СЫЩИК СТАЛ ПАЛАЧОМ? Психиатры обсудят вменяемость Ветрова на заседании суда».

Но была и другая новость — та, что заставила Арсения насторожиться. «Правительственный вестник», официальная газета министерства внутренних дел, поместила маленькую заметку:

«Начальник канцелярии Министерства двора Э.П. Шульц убыл в недельную командировку в Царское Село для инспекции охраны императорской резиденции. Временно исполняющим его обязанности назначен статский советник В.А. Лопухин».

— Убыл в командировку, — усмехнулся Арсений, прочитав это. — Сбежал, спрятался, ждёт, пока нас всех переловят.

— А может, он действительно в Царском? — спросил Глеб.

— Может. Но тогда почему Челищев не вышел на связь? Он говорил, что будет докладывать каждый день. Прошло уже двое суток, а от него ни слуху ни духу.

— Его раскрыли, — мрачно предположил Колька. — Или убили.

— Или он снова перешёл на другую сторону, — сказал Арсений. — Нельзя верить двойным агентам. Даже тем, кто кровью клянётся в верности.

Он отложил газету. На столе лежал план подземных ходов, фотография убитого Кандидова, копия телеграммы, перехваченная Лелькой, и список фамилий, который составил Модест Ильич из архивов.

Список был коротким — шесть человек. Те, кто входил в ближайшее окружение Шульца. Те, кто мог знать о заговоре. Те, кого нужно было допросить, прежде чем они исчезнут или погибнут.

— Мы не можем допрашивать их сами, — сказал Глеб. — Это официальные лица. Нас арестуют при первой же попытке.

— А мы и не будем допрашивать, — ответил Арсений. — Мы будем наблюдать. Следить. Ждать, когда они сделают ошибку.

— Сколько времени у нас есть?

— Не знаю. Может, неделя. Может, день. — Ветров посмотрел на план подземных ходов. — Главное — понять, куда они прячут шкатулку. Если мы найдём её — найдём и доказательства против Шульца.

— А если шкатулка уже уничтожена?

— Тогда мы найдём то, что в ней было. Копии. Черновики. Любые следы.

Колька хмыкнул, почесал затылок.

— Слушайте, — сказал он, — а может, не надо искать иголку в стог сена? Может, надо поджечь стог — и посмотреть, куда иголка выскочит?

— Это как? — спросил Глеб.

— А так. Пустим слух, что шкатулка у нас. Что Ветров её нашёл и спрятал в надёжном месте. Заговорщики занервничают, начнут действовать — а мы их и возьмём.

— Хорошая идея, — сказал Арсений после паузы. — Рискованная, но хорошая. Если они поверят — они придут к нам сами. Если нет — мы ничего не теряем.

— А как пустить слух? — спросил Глеб.

— Через Фёклу. У неё половые по всему городу. Один шепнёт другому, другой — третьему, и через день об этом будет знать весь преступный Петербург.

— А если слух дойдёт до полиции?

— Тем лучше. Полиция начнёт искать шкатулку у нас, а мы тем временем найдём её у Шульца.

План был дерзким, почти безумным. Но в положении, когда отступить некуда, безумие становится единственной разумной стратегией.

В тот же вечер Арсений позвонил Фёкле из телефонной будки.

— Фёкла Кузьминична, простите за беспокойство. Мне нужна ваша помощь.

— Говори, голубчик, — ответила она, и в голосе её слышалась усталость, но не было страха. — Я и так вся извелась, гадая, жив ли ты.

— Жив. И вам того желаю. Скажите своим половым... пусть шепнут, где надо, что я нашёл ту самую шкатулку. С письмами. И что прячу её у себя в бюро, под половицей.

— Поняла. А что, правда нашёл?

— Нет. Но заговорщики этого не знают.

— Хитро, — одобительно сказала Фёкла. — А опасно?

— Очень. Поэтому вы будьте осторожны. Если кто начнёт допытываться — делайте вид, что ничего не знаете.

— Я и так ничего не знаю, — усмехнулась она. — Мне мужики редко секреты доверяют. Особенно живые.

Она повесила трубку. Арсений постоял ещё минуту, глядя на запотевшее стекло будки, потом набрал другой номер — Глеба.

— Слушай, — сказал он. — Я передумал. Ты не должен больше участвовать в этом деле.

— Что? — Глеб опешил. — С какой стати?

— С такой, что у тебя скоро родится ребёнок. Если нас поймают — тебя посадят. Или убьют. Лёлька останется одна с младенцем. Ты этого хочешь?

— А ты хочешь, чтобы я сидел в стороне, пока Шульц убивает людей? — Глеб повысил голос. — Я врач, Арсений. Я давал клятву — спасти жизни. Как я могу спасти их, если не буду мешать тем, кто эти жизни отнимает?

— Ты спасёшь больше жизней, если останешься жив и будешь лечить больных, — возразил Арсений. — А здесь — не твоя война.

— Это война всех, кто не хочет жить в полицейском государстве, — отрезал Глеб. — Не отстраняй меня, Ветров. Не имеешь права.

Повисла пауза. Арсений слышал в трубке дыхание друга — частое, взволнованное.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но если будет опасность — уходи. Не геройствуй. Понял?

— Понял. А ты тоже — не геройствуй.

Они попрощались. Арсений вышел из будки, и холодный ветер ударил в лицо, освежая, отрезвляя. На Невском зажглись фонари — жёлтые, тусклые, как глаза старого больного зверя.

«Может, я и правда сошёл с ума, — подумал он. — Втягиваю друзей в смертельную авантюру. Рискую их жизнями. Их семьями. Ради чего? Ради правды? Но будет ли кому-то легче от этой правды, если мы все погибнем?»

Он не знал ответа. И шёл вперёд, потому что остановиться было нельзя.

Через два дня слух сработал.

В чайную «У Золотого льва» заявились двое. Не полицейские — дорого одетые, с барскими замашками, но с той особой, цепкой породой, которая выдаёт людей, привыкших командовать. Они спросили Фёклу:

— Где Ветров?

— Не знаю, господа хорошие, — ответила она, притворно крестясь. — Исчез, как сквозь землю провалился. Может, его убили?

— Не притворяйтесь, — сказал один, повыше, с бакенбардами. — Вы знаете, где он. И вы знаете, где шкатулка.

— Какая шкатулка, золотце? — Фёкла захлопала ресницами. — У меня своих шкатулок полон сундук. С тряпками. Может, вам их показать?

— Ветров, не играйте с нами, — второй, с лицом-кирпичом, шагнул вперёд. — Отдайте шкатулку — и мы уйдём. Не отдадите — ваша чайная сгорит. Вы сгорите. И все ваши половые сгорят.

Фёкла побледнела, но выдержала.

— Не пугайте, батюшка, — сказала она твёрдо. — Я пуганая. Меня и барон пугал, и Огульцов, и другие разные... А я всё стою и чай разливаю. Так что идите, откуда пришли, и передайте своим хозяевам: шкатулки у нас нет. И Ветрова нет. А если найдётся — мы его сами в полицию сдадим.

Незнакомцы переглянулись, что-то прошептали и ушли. Но Фёкла знала: они вернутся. И не одни.

Вечером она позвонила Арсению.

— Голубчик, — сказала она, — они приходили. Здоровенные, страшные. Шкатулку требовали. Я отбрехала, но они не поверили. Жди гостей.

— Спасибо, Фёкла Кузьминична. Вы героиня.

— Я баба, — ответила она. — Это страшнее.

А на следующий день произошло то, чего Арсений боялся больше всего.

Лёлька, которая на восьмом месяце беременности должна была лежать в постели и пить молоко с мёдом, явилась в чайную собственной персоной. За ней — Глеб, растерянный, с красными глазами.

— Ветров, выходи, — сказала она громко, чтобы слышали все половые и посетители. — Я знаю, ты здесь.

Арсений, который в тот момент сидел в подвале, разбирая документы, услышал её голос и замер.

— Лёлочка, не надо, — уговаривал Глеб. — Вернёмся домой. Успокойся.

— Не успокоюсь! — Она сбросила его руку. — Пока этот... этот авантюрист не перестанет прятаться за чужими спинами. Ты, Ветров, думаешь, что ты герой? А я думаю, что ты трус. Потому что настоящий герой не втягивает друзей в свои авантюры. Настоящий герой защищает их. А ты что делаешь? Ты подставляешь моего мужа под пули. Подставляешь себя. И меня вместе с ребёнком!

Фёкла попыталась её утихомирить, но Лёлька отмахнулась.

— Выходи, я сказала!

И Арсений вышел.

Он поднялся из подвала, стряхивая с сюртука пыль. Лицо его было бледным, спокойным — таким спокойным, что Глеб, взглянув на него, испугался больше, чем если бы он закричал.

— Ты права, Лёля, — сказал Арсений. — Я во всём виноват. И я уйду. Не в подвал — из города. На время. Пока не уляжется.

— Куда? — спросил Глеб.

— В Саратов. К старым знакомым. Там меня не найдут.

— А как же дело?

— Дело я передаю тебе. — Арсений вынул из кармана запечатанный конверт. — Здесь все улики — копии телеграмм, список подозреваемых, план подземных ходов. Если со мной что-то случится — отдашь Гучкову. Лично в руки.

Глеб взял конверт, не зная, что сказать. Лёлька вдруг заплакала — громко, по-бабьи, закрыв лицо руками.

— Не надо в Саратов, — сказала она сквозь слёзы. — Не надо никуда. Я не хотела... я просто испугалась.

— Я знаю, — тихо ответил Арсений. — Я тоже испугался. Но бояться — не стыдно. Стыдно — не делать того, что должен.

Он надел пальто, погладил Джека, который вилял хвостом, не понимая, что происходит, и вышел на улицу.

Дождь снова пошёл — мелкий, противный. Ветров поднял воротник и зашагал в сторону Лиговского, туда, где в старых домах можно было затеряться, как иголка в стоге сена.

Вслед ему смотрели Глеб, Лёлька и Фёкла. Джек рванулся было за хозяином, но Глеб удержал его за ошейник.

— Пусть идёт, — сказал он. — Он вернётся.

— Откуда ты знаешь? — спросила Фёкла.

— Потому что он — Ветров. Он всегда возвращается.

А дождь всё лил. И тень Арсения таяла в сумерках, растворялась в серой пелене, оставляя после себя лишь мокрый след на асфальте и чувство невозполнимой потери, которое ещё предстояло осознать.

Глава 3.

Саратов встречал Арсения Ветрова промозглым ноябрьским дождём и запахом керосина, который здесь, на Волге, казалось, пропитал всё — от одежды извозчиков до хлеба в булочных. Он сошёл с поезда рано утром, когда город ещё спал, и только редкие дворники скребли мостовые, да чайки кричали над обмелевшей рекой, предвещая непогоду.

Арсений не был здесь пять лет. Пять лет — срок немалый для города, который и так-то не торопился меняться. Саратов остался прежним: такие же облупленные фасады, такие же грязные переулки, такие же купцы в картузах, снующие по торговым рядам. Но что-то неуловимо изменилось — может быть, воздух стал холоднее, или люди — злее, или просто сам Ветров стал другим, и теперь прежняя жизнь казалась ему чужой, как старый, давно не надетый сюртук.

Он поселился в маленьком номере гостиницы «Волга» на Московской улице — грязноватой, но дешёвой, с видом на пожарную каланчу. Хозяин, старый отставной унтер, узнал его по фотографиям в газетах («Это вы того барона?..»), но лишних вопросов задавать не стал — взял плату вперёд за три дня и оставил в покое.

Джек остался в Петербурге, у Фёклы. Арсений не рискнул везти пса в поезд — слишком заметно, слишком опасно. Но без собаки он чувствовал себя неудобно, будто лишился правой руки. Каждое утро он просыпался и первым делом искал глазами знакомую рыжую морду, а потом вспоминал, что Джека нет, и тяжело вздыхал.

«Главное — не задерживаться здесь, — думал он, глядя на серое волжское небо. — Несколько дней — и обратно. Глеб справится».

Но Глеб не справлялся.

В Петербурге без Ветрова дела пошли хуже некуда.

На третий день после отъезда Арсения полиция нагрянула в чайную «У Золотого льва» с обыском — на этот раз нешуточным, с понятыми, с фотографом, с понятыми из участка. Фёкла потом рассказывала: перерыли всё, нашли старый револьвер, который забыл в подсобке какой-то пьяный офицер, и составили протокол о «хранении огнестрельного оружия без лицензии».

— Глеб еле отмазал меня от ареста, — говорила она в телефонной трубке Арсению, и голос её дрожал. — Сказал, что это я нашла револьвер в мусорном баке и хотела сдать полиции. Следователь не поверил, но отпустил — боялся скандала. А в участке сказали: «Передайте вашему Ветрову, чтобы сдался сам, а то мы будем давить всех по очереди».

— Не сдамся, — ответил Арсений. — Держитесь, Фёкла Кузьминична.

— Держусь, голубчик, — вздохнула она. — Только силы уже не те. Старая я стала для таких драк.

Лёлька, несмотря на поздний срок беременности, не сидела сложа руки. Она уволилась с почтамта (после того, как начальник намёкнул, что «женщинам в положении лучше не рисковать») и теперь работала на дому — расшифровывала телеграммы для частных клиентов, благо талант у неё был, а связи остались.

Однажды вечером, когда Глеб был в госпитале, она сидела за столом и разбирала очередную порцию перехваченных депеш. Среди обычной рутины — заказы на муку, переводы денег, любовные послания — попала одна, зашифрованная старым дипломатическим кодом, который она хорошо помнила по прошлому делу.

Лёлька надела очки, пододвинула лампу и начала расшифровывать.

Через час она поняла, что держит в руках не просто телеграмму — это был приговор.

«Оперативная группа „Стерх“, — гласил текст после расшифровки. — Всем исполнителям. Поступил приказ от Э.П.Ш. Ликвидировать Ветрова А.П. и его сообщников в полном составе до 15 ноября с. г. Средства любые. Приоритет — высокий. Связной — полковник С. Лучше — инсценировка несчастного случая. Подтверждение исполнения — до 16 ноября».

Лёлька перечитала текст трижды, потом медленно отложила бумагу и вышла на кухню. Руки её дрожали. Она налила себе воды из графина, выпила залпом, и только тогда позволила себе заплакать — тихо, без звука, чтобы не разбудить соседей.

Потом она взяла себя в руки, вытерла слёзы и позвонила Глебу в госпиталь.

— Ты нужен, — сказала она. — Срочно. Приезжай.

Через час Глеб был дома. Прочитав телеграмму, он побледнел, но не растерялся.

— Нужно предупредить Ветрова, — сказал он. — Он в Саратове, не знает, что на него охота открыта.

— Я уже послала телеграмму, — ответила Лёлька. — На гостиницу «Волга». Условным кодом. Он поймёт.

— Ты у меня умница, — Глеб поцеловал её в лоб. — Но этого мало. Нужно действовать здесь. Шульц не успокоится, пока не перебьёт всех. Надо найти его раньше, чем он найдёт нас.

— Как?

— Через Челищева. Того самого двойного агента. Он должен знать, где сейчас Шульц и что он замышляет.

— А если Челищев снова на их стороне?

— Тогда мы погибли, — просто сказал Глеб. — Но рискнуть стоит.

В ту же ночь Глеб вышел на связь с Челищевым через тайный канал, который они оставили после прошлого дела — знакомый аптекарь на Садовой, который держал в подсобке телефон и никому не задавал лишних вопросов.

Челищев пришёл через час — бледный, осунувшийся, с чёрной повязкой на левом глазу (потерял? подбит? Глеб не решился спросить). Он огляделся, убедился, что за ним нет слежки, и только тогда заговорил:

— Я знаю, зачем вы меня вызвали. Шульц объявил охоту на Ветрова. Приказ подписан лично им. Исполнители — из бывших офицеров, преданных ему ещё со времён барона.

— Кто именно? — спросил Глеб.

— Вы не будете их знать. Это люди без лиц, без имён, без прошлого. Они работают за деньги. И они не остановятся.

— А что Шульц? Где он сейчас?

— В Царском Селе. Официально — инспектирует охрану. Неофициально — готовит покушение на наследника. В этом я уверен на сто процентов.

— Доказательства есть?

— Нет. Но есть улики. — Челищев вынул из внутреннего кармана маленький конверт, положил на стол. — Это список офицеров, которые входят в заговор. Я украл его из сейфа Шульца перед тем, как уйти. Если Ветров найдёт способ передать этот список императору — Шульцу конец.

— Передаст, — сказал Глеб. — Мы передадим.

Челищев посмотрел на него с сомнением.

— Вы не Ветров, — сказал он. — Вы хороший человек, лекарь Есенич, но вы не сыщик. А здесь нужен сыщик. Ветров должен вернуться.

— Вернётся, — пообещал Глеб. — Но сначала мы должны обеспечить его безопасность.

— Как? — усмехнулся Челищев. — Вы собираетесь арестовать всю банду Шульца своими силами?

— Может быть, — сказал Глеб, хотя в голосе его не было уверенности. — А что, есть другие варианты?

Челищев задумался. Потом вдруг резко поднялся.

— Есть один человек, — сказал он. — В Саратове. Старый знакомый вашего Ветрова. Полковник в отставке, бывший начальник жандармского управления. Он может дать убежище

Арсению на первое время. И у него есть архив — всё, что копилось за годы. Там могут быть сведения на Шульца.

— Как его зовут?

— Евгений Николаевич Струков. Живёт на Покровской улице, дом 7. Скажете, что от меня. Он поймёт.

Челищев ушёл так же внезапно, как появился. Глеб остался сидеть за столом, глядя на список офицеров-заговорщиков. Бумага была старой, пожелтевшей, с пятнами воска — видно, долго лежала в тайнике.

— Что будем делать? — спросила Лёлька, выходя из спальни.

— Я позвоню Ветрову, — сказал Глеб. — И он вернётся. А пока — будем держаться.

Он взял телефонную трубку и набрал номер саратовской гостиницы «Волга». Долго ждал, пока соединят, потом услышал знакомый голос:

— Ветров слушает.

— Арсений, — сказал Глеб. — У меня для тебя новости. Хорошие и плохие. С какой начать?

— С плохих, — ответил Ветров.

— На тебя объявлена охота. Шульц приказал убить тебя до пятнадцатого ноября.

В трубке повисла тишина. Потом Ветров заговорил — спокойно, будто речь шла о погоде:

— А хорошие?

— У нас есть список заговорщиков. И есть человек в Саратове, который может дать тебе убежище. Полковник Струков. Знаешь такого?

— Струков? — В голосе Арсения промелькнуло что-то похожее на удивление. — Струков — это бывший начальник моего учителя, Модеста Ильича. Я о нём слышал, но не знаком.

— Теперь познакомишься. Он ждёт тебя завтра утром. Адрес — Покровская, 7.

— Хорошо, — сказал Арсений. — Приду. А вы там будьте осторожны. Не геройствуйте без меня.

— Постараемся, — усмехнулся Глеб. — Но без обещаний.

Он положил трубку и посмотрел на Лёльку. Та стояла в дверях, прижимая руки к животу, и глаза её были полны слёз.

— Всё будет хорошо, — сказал Глеб, подходя и обнимая жену. — Всё будет хорошо. Ты увидишь.

— Я боюсь, — прошептала она. — Не за себя — за тебя. И за него. — Она кивнула на телефон. — И за ребёнка. Я не хочу, чтобы он рос без отца.

— Не вырастет, — твёрдо сказал Глеб. — Мы все будем живы. И Шульц ответит за свои преступления.

Они стояли так долго, слушая, как за окном шумит ночной Петербург — этот огромный, равнодушный город, который никогда не спит и никогда не плачет.

Утром Арсений отправился на Покровскую улицу.

Дом 7 оказался старым двухэтажным особняком с колоннами и облупившейся штукатуркой. За кованой оградой — запущенный сад, где среди голых ветвей сидели вороны и каркали, будто предупреждая о чём-то.

Арсений поднялся на крыльцо, потянул за шнур звонка. Где-то внутри глухо зазвенел колокольчик. Через минуту дверь открыл старый слуга в ливрее — сгорбленный, с бельмом на глазу, но выправка выдавала в нём бывшего солдата.

— Вам кого? — спросил он хрипло.

— Полковника Струкова. Я от Челищева.

Слуга молча посторонился, пропуская Арсения внутрь.

Обособняк внутри оказался больше, чем казался снаружи. Высокие потолки, лепнина, старинная мебель — всё говорило о былом богатстве, давно ушедшем, оставшемся в прошлом

веке. В воздухе пахло пылью, старыми книгами и чем-то ещё — временем, может быть, или увяданием.

Полковник Струков ждал в кабинете — на втором этаже, у камина, в котором горели дрова, несмотря на ранний час. Это был старик лет семидесяти, сухонький, с орлиным носом и пронзительно-синими глазами, которые, казалось, видели насквозь. Он сидел в кресле, укрыв ноги пледом, и держал на коленях толстую папку с бумагами.

— Ветров, — сказал он, не вставая. — Проходите, садитесь. Чай будете?

— Спасибо, не откажусь.

Старик кивнул слуге, и тот бесшумно исчез, чтобы через минуту появиться с подносом и фарфоровым чайником.

— Я много слышал о вас, — сказал Струков, пока слуга разливал чай. — И от Модеста Ильича, и от других. Вы раскрыли дело барона. Это было смело. Но теперь вы взялись за тех, кто стоит за бароном, а это, знаете ли, совсем другая высота.

— Я не берусь, полковник, — ответил Арсений, принимая чашку. — Меня втянули. Нестеров, Кандидов, шкатулка... Я просто пытаюсь выжить.

— Выжить, защищая других? — Струков усмехнулся. — Это называется не выживанием, а долгом. Но оставим философию. У меня есть то, что вам нужно. — Он похлопал по папке. — Архив. Все донесения, рапорты, секретные бумаги за тридцать лет. В том числе — на вашего врага.

— На Шульца?

— На Шульца, — кивнул Струков. — Эраст Петрович Шульц начинал у нас, в жандармском управлении. Был подающим надежды офицером. Но быстро понял, что честная служба не приносит ни денег, ни чинов. И перешёл в Министерство двора, где его таланты — интриги, подлог, шантаж — оказались востребованы. Я собирал на него досье пятнадцать лет. Всё, что вы найдёте в этой папке, может отправить Шульца на каторгу. Или на виселицу.

— Почему вы не передали это в прокуратуру? — спросил Арсений.

— А кому? — горько усмехнулся старик. — Прокуроры у нас либо куплены, либо запуганы. А те, кто честен, не имеют власти. Я ждал человека, который сможет использовать эти бумаги с умом. Кажется, дождался.

Он протянул папку Арсению. Тот взял — она была тяжёлой, почти неподъёмной.

— Здесь всё, — сказал Струков. — Имена, даты, факты. Доказательства того, что Шульц долгие годы работал на германскую разведку. Что он завербовал барона. Что он готовил покушение на наследника. Если вы донесёте это до императора — вы спасёте не только себя, но и Россию.

— А если не донесу? — спросил Арсений.

— Тогда вы погибнете. И ваши друзья — тоже. И Шульц останется у власти. Выбирайте.

Арсений поднялся, прижимая папку к груди.

— Я выбрал, — сказал он. — Спасибо, полковник.

— Не благодарите, — ответил Струков. — Просто сделайте то, что должны. И постарайтесь выжить. Вам ещё рано умирать.

В тот же вечер Арсений сел на поезд до Петербурга. С собой — папка Струкова, план подземных ходов и список заговорщиков, переданный Челищевым. Три килограмма бумаги, которые могли изменить судьбу империи.

Он ехал в купе второго класса, один — попутчиков не было, и это было к лучшему. За окном проплывали заснеженные поля, чёрные деревья, редкие огоньки станций. Где-то там, в Петербурге, его ждали друзья. И враги.

«Что я им скажу? — думал Арсений. — Пришёл? Вернулся? Простите, что бросил?»

Он не знал. Но знал, что должен.

В тамбуре было холодно, пахло мазутом и железом. Арсений стоял у окна, курил и смотрел, как ночь медленно уступает место серому, нерешительному утру.

Поезд стучал колёсами, отсчитывая вёрсты. До Петербурга оставалось шесть часов.

А в Петербурге, в этот самый момент, Глеб и Лёлька сидели на кухне и пили чай, молча, глядя друг на друга. Телефон молчал. Тишина была тревожной.

— Он вернётся, — сказала Лёлька.

— Вернётся, — кивнул Глеб.

И они ждали.

На вокзале Арсения встречал Колька. Кузнец стоял у выхода с перрона, огромный, как скала, в кожаном фартуке поверх тулупа. Увидев Ветрова, он молча кивнул, взял у него папку и сказал:

— Идём. Экипаж ждёт.

— Что новости? — спросил Арсений, садясь в пролётку.

— Плохие, — ответил Колька, кидая папку на сиденье. — Фёклу вызывали в участок, допрашивали шесть часов. Вернулась в слезах, но не сдалась. Чайную опечатали — якобы за антисанитарию. Панкратия забрали в полицию как свидетеля, избили, но отпустили. Глеба сегодня вызывали к прокурору. Допрашивали про тебя. Он молчал. Сказал, что ничего не знает.

— А Лёлька?

— Лёлька в порядке. Ребёнка бережёт. Но она на восьмом месяце, Арсений, ей нельзя волноваться. А тут такое...

Арсений закрыл глаза.

— Всё из-за меня, — сказал он. — Я втянул всех. Я должен был остаться.

— Ты должен был уехать, — возразил Колька. — Иначе тебя бы убили. А так — живой. И с бумагами. Значит, есть шанс.

— Есть ли?

— Есть, — твёрдо сказал Колька. — Пока мы дышим — есть.

Лошади рванули по мокрой мостовой. Город проплывал мимо — серый, промозглый, враждебный. Но в душе у Арсения теплилась маленькая, упрямая искра надежды.

Он вернулся. И это было главное.

Вечером они собрались в маленькой комнате, которую снял Колька на окраине — подальше от глаз полиции. Фёкла, Глеб, Лёлька, Панкратий, сам Арсений. Джек, которого наконец привели, бросился к хозяину, виляя хвостом, и долго лизал ему руки, будто извиняясь за то, что не уберёг.

— Тише, пёс, — сказал Арсений, обнимая Джека. — Тише. Я тоже рад тебя видеть.

— Ну, рассказывай, — сказал Глеб, садясь напротив. — Что ты привёз?

Арсений выложил на стол папку Струкова. Бумаги заняли полстола.

— Это досье на Шульца, — сказал он. — За пятнадцать лет. Здесь — доказательства его связей с германской разведкой, подлогов, шантажа, подготовки покушений. Если мы передадим это императору, Шульц полетит.

— А как мы передадим? — спросила Фёкла. — Нас к императору не пустят. Нас даже к его лакею не пустят.

— Через Гучкова, — сказал Глеб. — Он военный министр. У него есть доступ.

— Гучков сейчас не в фаворе, — возразил Модест Ильич, вошедший минуту назад и молча слушавший. — Император ему не доверяет после дела барона. Гучкова самого подозревают в связях с заговорщиками.

— Тогда через кого? — спросил Арсений.

— Через великую княгиню Марию Павловну, — неожиданно сказала Лёлька. — Я перехватила её телеграмму неделю назад. Она в ссоре с императрицей, но у неё есть доступ к государю. И она ненавидит Шульца — он опорочил её друга.

— Ты уверена? — спросил Глеб.

— Уверена, — кивнула Лёлька. — Я расшифровала. В телеграмме было: «Шульц — яд при дворе. Надо срочно что-то делать. Я готова помочь».

Арсений посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты, Лёля, — сказал он, — настоящий сыщик. Лучше меня.

— Я женщина, — усмехнулась она. — Нам по статусу положено быть хитрее.

— Тогда решено, — сказал Арсений. — Завтра я иду к великой княгине. Передаю ей документы. А вы — держите оборону. Шульц не успокоится, пока не узнает, что я в Петербурге.

— А если он узнает? — спросил Панкратий.

— Тогда начнётся охота, — ответил Ветров. — И мы будем либо охотниками, либо дичью. Выбирать не приходится.

Джек гавкнул — звонко, решительно. Пёс был готов.

Все были готовы.

А за окном занимался новый день — холодный, туманный, полный опасностей и надежд.

Глава 4.

Великая княгиня Мария Павловна принимала в своих апартаментах в Мраморном дворце — холодных, высоких, с лепными потолками, на которых застыли обнажённые амурь, и с окнами, выходящими на Неву. Арсений Ветров, пропущенный через три кордона лакеев и адъютантов, вошёл в гостиную, пахнущую дорогими духами и увядающими цветами, и увидел женщину, которая, казалось, состояла из одних нервов и кружев.

Княгине было под пятьдесят, но она выглядела моложе — спасибо французской косметики и строгому режиму. Худое, породистое лицо с высокими скулами и насмешливыми глазами, седые волосы, уложенные в замысловатую причёску, и тонкие, униженные кольцами пальцы, которые она постоянно ломала, будто молилась сама себе.

— Господин Ветров, — сказала она, не вставая с кушетки. — Мне много говорили о вас. И хорошего, и дурного. Надеюсь, вы оправдаете моё любопытство.

— Постараюсь, ваше высочество, — ответил Арсений, кланяясь.

— Садитесь. Не стойте столбом.

Он сел на край стула, положив на колени портфель с документами. Княгиня проследила за его движением цепким взглядом.

— Это то, ради чего вы пришли? — спросила она, кивая на портфель.

— Да, ваше высочество. Доказательства заговора против императора и наследника. Материалы, собранные за пятнадцать лет. Имена, даты, факты.

— Дайте сюда.

Арсений подал портфель. Княгиня открыла его, вынула папку, начала листать — быстро, с нарастающим интересом. Глаза её сузились, на скулах заходили желваки.

— Шульц, — сказала она, не поднимая головы. — Эраст Петрович Шульц. Я всегда знала, что он мерзавец, но, чтобы так... — Она захлопнула папку. — Вы понимаете, что этот компромат может уничтожить не только его, но и половину придворных? Здесь имена очень влиятельных людей.

— Я понимаю, ваше высочество.

— И вы всё равно отдаёте его мне?

— Я отдаю его императору. Через вас.

Княгиня усмехнулась — жёстко, без тени веселья.

— Вы наивны, Ветров. Государь не любит таких скандалов. Он предпочитает не знать о том, что творится у него под носом. Если я покажу ему эти бумаги, он разгневется. Но не на Шульца — на меня. За то, что я посмела нарушить его покой.

— Тогда, ваше высочество, мы обречены, — тихо сказал Арсений.

— Не обречены, — поправила она. — Мы просто должны действовать умнее. Шульца нельзя арестовать — его можно только переиграть. Дайте мне неделю. Я поговорю с нужными людьми. Подготовлю почву. А вы пока — не попадайтесь ему на глаза.

— Неделя, ваше высочество, это много. Шульц уже начал охоту. Мои друзья...

— Ваши друзья — ваша забота, — отрезала княгиня. — Я занимаюсь империей. А вы — собой. Всё, Ветров, вы свободны.

Арсений встал, поклонился и вышел. В приёмной, где ждали своей очереди какие-то генералы, он столкнулся с молодым человеком в мундире камер-юнкера — бледным, с бегающими глазами и нервно дёргающимся ртом.

— Вы Ветров? — спросил камер-юнкер, хватая его за рукав. — Скажите, это правда, что Шульц... что Шульц...

— Отойдите, молодой человек, — холодно сказал Арсений, освобождая руку. — Я не даю интервью.

Он вышел на улицу, вдохнул сырой ноябрьский воздух и только тогда почувствовал, как дрожат колени.

«Неделя, — подумал он. — У нас есть неделя. Или нет».

Вернувшись в убежище, Арсений застал скандал.

Лёлька, бледная, с красными пятнами на щеках, стояла посреди комнаты и кричала на Глеба. Тот сидел за столом, опустив голову, и молчал — это молчание было страшнее любых слов.

— Ты думаешь только о нём! — кричала Лёлька, указывая на вошедшего Ветрова. — О нём и о его делах! А обо мне? О ребёнке? Я уже месяц не сплю, потому что каждую ночь жду, что в дверь постучат люди Шульца!

— Лёля, — тихо сказал Глеб, — успокойся. Ты себе вредишь.

— Не смей мне говорить, что мне вредит! Это вы мне вредите! Ты и твой Ветров! Вы оба! Арсений хотел было выйти, оставив их одних, но Лёлька заметила его движение.

— Стой, — сказала она. — Ты тоже останься. Ты должен это слышать.

Она перевела дыхание, провела рукой по лицу — жест усталой, измученной женщины, которую жизнь загнала в угол.

— Я люблю тебя, Глеб, — сказала она, уже спокойнее. — Я люблю тебя больше жизни. Но я не могу больше жить в этом аду. Каждый день — страх. Каждая ночь — кошмары. Я не знаю, чем это кончится, но я не хочу, чтобы мой ребёнок родился в подвале, под свист пуль.

— Не родится, — сказал Глеб. — Мы уйдём. В Саратов, в Нижний, куда угодно. Как только кончится это дело.

— А когда оно кончится? — Лёлька посмотрела на Арсения. — Скажи, Ветров. Когда? Через месяц? Через год? Никогда? Такие дела не кончаются. Они только обрастают новыми тайнами, новыми заговорами, новыми трупам.

Арсений молчал. Что он мог ответить? Она была права. Он знал, что она права, и от этого становилось только горше.

— Я завтра уезжаю, — сказала Лёлька. — В Саратов, к матери. Поживу там, пока не рожу. А вы здесь делайте что хотите.

— Лёля, — Глеб встал, подошёл к ней, взял за руки. — Не уезжай. Я не выдержу без тебя.

— А я не выдержу без тебя, — ответила она, и слёзы, которые она сдерживала так долго, наконец потекли по её щекам. — Я боюсь, Глеб. Я боюсь, что, когда я вернусь, тебя уже не будет.

— Буду, — сказал он. — Клянусь.

Они обнялись и долго стояли так, не говоря ни слова. Арсений тихо вышел из комнаты, притворив за собой дверь.

На кухне Колька чистил револьвер, глядя на него с молчаливым сочувствием.

— Тяжело, — сказал кузнец.

— Да, — кивнул Арсений. — Тяжело.

— Ты не виноват, — добавил Колька. — Они сами выбрали.

— Выбрали меня, — поправил Арсений. — А я их подвёл.

Он сел на табурет, обхватил голову руками. Джек подошёл, положил морду на колени. Пёс не умел говорить, но умел быть рядом — и это было сейчас важнее любых слов.

На следующий день Арсений, Глеб и Колька разрабатывали план.

Карта Петербурга была расстелена на столе, исчерчена красными и синими линиями. На ней — дом Шульца на Английской набережной, известные явки заговорщиков, пути отхода, подземные ходы.

— Мы не можем ждать неделю, — сказал Арсений. — Шулец узнает, что я был у княгини. Он поймёт, что я передал ей документы. И тогда он нанесёт удар — либо по нам, либо по ней.

— Что ты предлагаешь? — спросил Глеб.

— Ночной обыск в доме Шульца. У него есть кабинет, где он хранит самые важные бумаги. Если мы их найдём — сможем передать прямо императору, минуя княгиню.

— А если не найдём? — спросил Колька.

— Тогда мы подставили себя и провалили всё дело.

— Рискованно, — сказал Глеб.

— Рискованно, — согласился Арсений. — Но выбора нет.

Они спорили до вечера. Глеб настаивал на том, чтобы привлечь полицию — но полиция была куплена Шульцем. Колька предлагал просто похитить Шульца и выбить из него показания — но это было уголовное преступление, и оно бы разрушило всё дело в суде. Арсений стоял на своём: ночной обыск, тихо, без свидетелей, с использованием подземного хода, который указал Панкратий.

— Я пойду один, — сказал он.

— Нет, — отрезал Глеб. — Мы идём все трое.

— А если кто-то попадётся?

— Значит, попадёмся все, — усмехнулся Колька. — Так веселее.

Фёкла, узнав о плане, всплеснула руками:

— Безумцы! Вас же убьют!

— Не убьют, — ответил Арсений. — Мы умнее.

— Умные в могилах лежат, — проворчала она, но перечить не стала.

В ночь на 10 ноября они собрались у чёрного входа в дом Шульца. Панкратий, который всё это время изучал систему канализации под Английской набережной, показал лаз — узкий, грязный, пахнущий тинной и крысиным помётом.

— Там, — сказал он, указывая на железную решётку. — Пролезете, потом налево, через подвал, потом вверх по лестнице. Кабинет — на втором этаже, угловая комната.

— Ты с нами? — спросил Арсений.

— Нет, — Панкратий затряс головой. — Я своё отбоялся. Я лучше здесь, наверху, покараюлю.

— Трус, — буркнул Колька.

— Осторожный, — поправил Панкратий. — Дожил до пятидесяти лет не потому, что геройствовал.

Они полезли в лаз. Впереди — Колька, за ним — Глеб, последним — Арсений. Джек остался наверху с Фёклой — пёс не пролез бы в этот тесный проход.

В подвале было темно и сыро. Стены сочились влагой, пол был скользким, пахло канализацией и чем-то сладковатым — то ли гнилью, то ли старым вином.

— Свет, — прошептал Глеб.

Арсений зажёл керосиновый фонарь — маленький, с прикрытым огнём. Тени заплясали по стенам, выхватывая из темноты старые бочки, сломанные стулья и чьи-то кости (крысиные? человеческие? — лучше было не думать).

— Тише, — сказал Колька, приложив палец к губам.

Наверху слышались шаги. Кто-то ходил по дому — размеренно, спокойно. Охрана? Хозяин? Прислуга?

— Ждём, — прошептал Арсений.

Ждать пришлось долго. Шаги затихали, потом возобновлялись, потом снова затихали. Наконец всё стихло. Арсений кивнул — пора.

Они поднялись по каменной лестнице, вышли в холл. Дом был погружён во тьму, только где-то наверху горела свеча — в кабинете. Арсений двинулся первым, осторожно ступая по паркету.

Кабинет был открыт.

Они вошли. Большая комната с высокими окнами, занавешенными плотными шторами. Письменный стол, заваленный бумагами. Сейф в углу — старый, шведский, но надёжный.

— Сейф, — сказал Колька. — Надо взламывать.

— Не надо, — ответил Глеб, подходя к столу. — Бумаги здесь. — Он показал на папку с сургучной печатью. — «Совершенно секретно. Лично Шульцу».

Арсений взял папку, засунул в мешок. В этот момент в дверях зажегся свет.

— Стоять, — раздался спокойный, насмешливый голос. — Руки за голову.

Они обернулись. На пороге стоял сам Шульц — в халате поверх пижамы, с револьвером в руке. За его спиной — двое охранников с винтовками.

— Я ждал вас, Ветров, — сказал Шульц, улыбаясь. — И вы пришли. Как мило.

— Откуда вы знали? — спросил Арсений, не поднимая рук.

— Панкратий, — ответил Шульц. — Ваш верный Панкратий. Он пришёл ко мне вчера вечером и всё рассказал. За деньги, разумеется. За небольшие деньги. Люди так легко продаются, не правда ли?

Глеб выругался сквозь зубы. Колька шагнул вперёд, заслоня собой Арсения.

— Не двигаться, — рявкнул Шульц. — Я пристрелю вас, как собак.

— А документы? — спросил Арсений. — Вы их тоже пристрелите? Они у меня в руках. Если вы нас убьёте, они исчезнут. Навсегда.

Шульц задумался. Потом усмехнулся.

— Умный ход, Ветров. Но бесполезный. Я всё равно найду документы. Даже если вы их сожжёте — у меня есть копии.

— Нет у вас копий, — сказал Арсений. — Эти бумаги — единственные. И они уйдут со мной в могилу.

— Тогда придётся вас пытаться, — пожал плечами Шульц. — Но здесь, в кабинете, неудобно. Пройдёмте в подвал. Там просторнее.

Охранники схватили их, вывели из кабинета. Арсений, Глеб и Колька не сопротивлялись — бесполезно. Но в душе Арсений лихорадочно искал выход.

В подвале было холодно и грязно. Их привязали к стульям — руки за спиной, ноги к ножкам. Шульц стоял напротив, заложив руки за спину, и смотрел на них с любопытством коллекционера, разглядывающего редкие экспонаты.

— Итак, господа, — сказал он. — У нас есть два пути. Либо вы говорите, где спрятали остальные документы (потому что я знаю, что вы не всё принесли с собой), и я отпускаю вас. Либо вы молчите, и я убиваю вас одного за другим, начиная с лекаря.

— Вы не убьёте, — сказал Глеб. — Вы блефуете.

— Хотите проверить? — Шульц кивнул охраннику. Тот вынул нож, подошёл к Глебу.

— Стойте, — сказал Арсений. — Я скажу. Документы у Фёклы, в чайной. Под половицей, в подвале.

— Врёте, — спокойно ответил Шульц. — Фёклу мы обыскали три дня назад. Ничего не нашли.

— Вы плохо искали.

— Мы искали профессионально, — усмехнулся Шульц. — Ещё раз: где документы?

Арсений молчал. Он знал, что, если скажет правду — они все умрут. Если будет молчать — умрут тоже, но позже.

— Режьте, — сказал Шульц охраннику. — Начинайте с пальцев.

Охранник взял руку Глеба, разжал пальцы. Глеб побледнел, но не издал ни звука.

В этот момент раздался выстрел. Охранник вскрикнул, выронил нож, схватился за плечо.

— Всем стоять! — раздался женский голос. — Полиция!

В подвал влетела Лёлька — с револьвером в руке, с перекошенным от ярости лицом. За ней — Фёкла и Джек. Пёс бросился на второго охранника, сбил его с ног, вцепился в горло.

— Не стреляйте! — закричал Шульц, поднимая руки.

— Поздно, — прошипела Лёлька. — Всё кончено.

Она выстрелила в потолок — пуля отскочила рикошетом и застряла в балке. Шульц, воспользовавшись суматохой, рванул к двери и исчез.

— Не уйдёт! — крикнул Колька, разрывая верёвки. — За ним!

Но Шульца уже след простыл.

Они выбрались на улицу. Лёлька опустила револьвер, руки её дрожали.

— Вы как? — спросила она, глядя на Глеба.

— Живы, — ответил он, обнимая её. — А ты? Ты зачем сюда пришла? Ты на восьмом месяце!

— А я не могла сидеть и ждать, — сказала она, и слёзы потекли по её лицу. — Я же знала, что вы полезете в эту авантюру. Я пришла за вами.

— А Фёкла? — спросил Арсений.

— А я за ней, — ответила Фёкла. — Она мне позвонила, сказала, что вы в беде. Я Джека взяла — и сюда. Панкратий нас провёл через чёрный ход, пока Шульц с вами возился. Панкратий, кстати, где? — Она огляделась.

Панкратий стоял в стороне, бледный, трясущийся.

— Простите, — прошептал он. — Я не хотел... Я испугался... Он обещал мне... — Он осекся, встретив взгляд Арсения.

— Потом поговорим, — холодно сказал Ветров. — Сейчас — уходим. Шульц может вернуться с подкреплением.

Они сели в экипаж, который ждал у ворот — Лёлька предусмотрительно наняла извозчика. Джек вскочил первым, за ним — Глеб, Лёлька, Фёкла. Арсений задержался на секунду, глядя на особняк, где только что чуть не погиб.

— Ветров, быстрее! — крикнул Глеб.

Арсений прыгнул на подножку, и экипаж рванул с места. Вслед им неслись свистки — полиция, которой Шульц успел позвонить.

— План провалился, — сказал Арсений, глядя на убегающий дом. — Но мы живы. Это главное.

— Живы, — повторил Глеб, прижимая к себе Лёльку. — И это главное.

Джек лизнул руку хозяина. Пёс не понимал, что произошло, но знал одно: они снова вместе. И это — всё, что нужно.

Утром следующего дня газеты вышли с сенсацией:

«НОЧНОЙ ПЕРЕСТРЕЛКА В ОСОБНЯКЕ ШУЛЬЦА. ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ ВЕТРОВ ОБВИНЯЕТСЯ В НАПАДЕНИИ».

— Врут, — сказал Арсений, бросая газету на стол. — Всё врут.

— Ничего, — ответила Фёкла, разливая чай. — Мы тоже врать умеем. Победит тот, кто врёт лучше.

Они сидели в новом убежище — заброшенном доме на Васильевском острове, который Колька нашёл через знакомых докеров. Сыро, холодно, но безопасно. По крайней мере, пока.

Арсений посмотрел на папку с документами — ту самую, которую он вынес из кабинета Шульца. Она лежала на столе, залитая воском от свечи, перевязанная бечёвкой.

— Что в ней? — спросил Глеб.

— Не знаю, — ответил Арсений. — Боюсь открывать.

— Почему?

— Потому что если там не то, что мы ищем, — мы проиграли.

— А если то? — спросила Лёлька.

— Тогда мы выиграли, — сказал Арсений. — Но слишком дорогой ценой.

Он развязал бечёвку, открыл папку и начал читать.

Комната замерла. Слышно было, как скребутся за стеной крысы и как Фёкла тихонько шепчет молитву.

Арсений читал долго. Потом поднял голову.

— Здесь всё, — сказал он. — Имена, даты, свидетельства. Шульц — это не главный. За ним кто-то стоит. Кто-то из самых верхов. И мы должны найти его, прежде чем он найдёт нас.

Джек гавкнул — тревожно, предупреждающе.

— Война продолжается, — сказал Арсений. — И похоже, она только начинается.

Глава 5.

Утро 12 ноября 1913 года Арсений Ветров встретил в промозглом подвале на Васильевском острове, при свете керосиновой лампы, которая коптила и чадила так, что через час началось слезиться в глазах. Документы Шульца были разложены на столе — тридцать семь листов, исписанных убористым почерком, с пометками на полях, с подчёркиваниями, с восклицательными знаками, которые выдавали нервный, подозрительный характер их владельца.

Арсений перечитывал их уже в четвёртый раз, и каждый раз находил что-то новое. Имена, которые он знал: барон фон Берг, генерал Кондратенко, полковник Веселовский. И имена, которые он встречал впервые: князь Щербатов, граф Игнатъев, некий «Б.Ф.» — тот самый «Б.Ф.», который фигурировал в телеграммах годичной давности. Но главное — в конце, на последней странице, каллиграфическим почерком, выведенным с особым тщанием, было написано:

«Куратор всей операции — лицо, приближённое к императору. Имя — в зашифрованном конверте. Вскрыть только после моего приказа. Э.Ш.»

Конверт, о котором шла речь, исчез. Шулец, убегаая из особняка, успел прихватить его с собой или уничтожил. Без этого конверта все бумаги превращались в груды бесполезной макулатуры — доказательства без главного свидетеля.

— Всё зря, — сказал Арсений, отодвигая папку. — Мы поймали тень, а не тело.

— Что значит — зря? — Глеб поднял голову от медицинского журнала, который читал при свете свечи. — Здесь же десятки имён. Это можно передать в прокуратуру!

— Передай. Они скажут: «Спасибо, мы разберёмся». И никого не тронут, потому что за каждым из этих имён стоит человек с властью и деньгами. А Шулец, если его поймают, откупится. Или сбежит. У него, видимо, везде друзья.

— Не везде, — возразила Лёлька, которая сидела у окна, вглядываясь в серую мглу. — Один человек у него не друг. Тот, чьё имя в зашифрованном конверте. Если этот человек узнает, что Шулец собирал на него компромат, он сам его уничтожит.

— И как мы ему сообщим? — спросил Колька, ворочавший угли в маленькой печурке. — Позвоним по телефону: «Здравствуйте, вы не знаете, кто тут главный заговорщик? Ах, вы сами? Ну, тогда до свидания?»

— Нам нужен кто-то изнутри, — сказал Арсений. — Кто-то, кто знает тайны двора и готов их раскрыть.

— Челищев? — предположил Глеб.

— Челищев пропал. После того как дал нам адрес Струкова, его никто не видел. Убили или схоронили.

— Тогда княгиня, — сказала Фёкла, входя с миской горячего супа. — Великая княгиня Мария Павловна. Она обещала помочь.

— Она просила неделю. Прошло три дня. — Арсений покачал головой. — Неделя — это много. Шулец не будет ждать.

Он взял ложку, сделал глоток, но вкуса не почувствовал. В голове крутилась одна мысль: кто этот неуловимый «Б.Ф.»? И зачем ему понадобился заговор, который мог уничтожить империю?

В полдень прибежал Панкратий — запыхавшийся, мокрый, с перекошенным от страха лицом.

— Беда! — закричал он с порога. — Обыски! Повсюду обыски! Полиция ищет вас! Расклеили портреты по всему городу! Награда — пять тысяч рублей за информацию!

Арсений встал, подошёл к окну, осторожно отодвинул занавеску. На улице было пусто — только ветер гонял по мостовой мусор. Но откуда-то издалека, с Большого проспекта, доносился свисток — полицейский, деловитый, настойчивый.

— Сколько у нас времени? — спросил он.

— Час, — ответил Панкратий. — Может, два. Я слышал, они идут по дворам, проверяют каждый подвал.

— Нужно уходить, — сказал Глеб.

— Куда? — спросила Лёлька. — Везде ищут.

— Есть одно место, — неожиданно произнёс Колька. — Моя кузница. Старый немец, у которого я работаю, не выдаст. Он русских не любит, полицию — тем более. Мы можем спрятаться у него в подвале.

— А если он всё-таки выдаст? — спросила Фёкла.

— Тогда мы у него же и сгорим, — усмехнулся кузнец. — Но рискнуть стоит.

Они собрались за десять минут — документы, оружие, немного еды. Арсений сунул браунинг в карман, папку с бумагами — в рюкзак. Джек, чувствуя тревогу, нервничал, метался по комнате, пока Глеб не взял его на поводок.

— Идём, — сказал Арсений, открывая дверь.

Они вышли на улицу и сразу нырнули в переулок, где их скрыли густые тени доходных домов.

Кузница располагалась на Малом проспекте, в старом каменном здании с коваными воротами. Немец, хозяин, — господин Шульц (однофамилец? или родственник? — Колька уверял, что нет, просто фамилия распространённая) — оказался высоким сухопарым стариком с седыми усами и вечно недовольным лицом. Он выслушал Колькину просьбу, помолчал, почёсал затылок и сказал:

— Прятать русских — себе дороже. Но раз ты, Колька, хороший работник, и жена у тебя... — он покосился на Лёльку, — на сносях, пусть пересидят. Только тихо. Как мыши.

— Спасибо, герр Шульц, — сказал Колька.

— Не благодари. Я старый, мне терять нечего. А у тебя впереди жизнь.

Подвал у немца оказался чистым, сухим, с цементным полом и старыми кожаными креслами, которые он выбросил из дома, но не выбросил до конца — так и стояли в углу, ожидая своего часа. Фёкла тут же развела керосинку, поставила греться чайник. Лёлька, уставшая от перехода, легла на матрас, который Колька принёс из кузницы, и закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.